

У походного костра

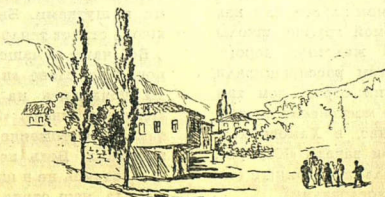
Сергей Баруздин

Рис. П. Тарakanова

*Хороши перед закатом
Золотые вечера.
В золотые вечера
У походного костра
Собираются ребята.
И когда за склоны гор
Солнце медленно заходит,
Начинают разговор
О сегодняшнем походе.*

*Сколько вёрст прошли они,
Где они ни побывали!
Сколько нового нашли,
Интересно узнали!
От костра летит дымок,
Клонит головы усталость.
Сколько на земле дорог
Неисхоженных осталось!*

*Дремлют сосны в тишине.
Спят ребята под ветвями,
То, что снится им во сне,
Завтра утром явью станет.
Лес, моря, Урал, Алтай —
Вновь вперёд дорога вьётся.
Золотой чудесный край
Нашей Родиной зовётся!*

А. Северьянова

То, о чём я вспоминаю сейчас, происходило очень давно, почти четверть века назад. И те, кто ходил тогда в красном галстуке, нынче взрослые люди, — это ваши отцы и матери, ребята.

Дело было в 1922—1923 годах. Вы, должно быть, читали об этом времени, когда страна наша ещё не оправилась от гражданской войны. Заводы работали ещё плохо, дороги были разрушены, в домах и учреждениях промёрзла стена. Всё вокруг требовало труда, и люди трудились самоотверженно, страстно, забывая о личных нуждах, не имея возможности уделять много времени семьям. И дети в то суровое время были предоставлены самим себе. Днём они учились в школах, работали в заводских мастерских, а в свободные часы не знали, куда деваться. Они бежали по улицам, затевали драки. Надо было сделать жизнь ребят более организованной и осмысленной.

Тогда-то Центральный комитет комсомола предложил создать пионерскую организацию. Комсомольцы хотели, чтобы ребята почувствовали себя строителями молодой Советской страны, участниками общего труда, передовыми детьми, пионерами.

Я училась тогда в восьмом классе, или, как тогда говорили, — в восьмой группе, школы при Московско-Киевской железной дороге. Помню, с каким интересом расспрашивали мы, что такое пионерский отряд, чем там занимаются. Ведь первые московские отряды пионеров появились у нас, в Хамовниках. Самый первый отряд, при заводе «Каучук», был организован комсомольцем Зориним (теперь он наш посол в Чехословакии).

Мы слышали, что пионеры затевают увлекательные игры, отправляются в походы, помогают взрослым, что в отряды принимают только лучших ребят, достойных называться пионерами. Всё это возбуждало любопытство. И когда комсомольцы предложили организовать такие же отряды у нас в школе, мы, старшие, подхватили эту мысль с восторгом.

Хотелось вовлечь в отряды как можно больше младших ребят. Их, конечно, главным образом интересовали игры. И вот мы стали придумывать игры поувлекательней. В то время у всех, даже маленьких, жила в памяти гражданская война. Детство наше прошло в атмосфере борьбы Красной Армии с белогвардейцами, в ней участвовали отцы и старшие братья. И нашей любимой игрой стала «Красные и белые». Помню только, что из-за того, кому называться «белыми», часто возникали споры: быть «беляками» никто не хотел.

Игры — играми, но вскоре мы перешли к более серьёзным делам. В школе было холодно. Нужно было доставать дрова. Нужно было подвозить их, а дороги засыпаны снегом. И мы в плохоньких наших одежонках ездили за дровами и очищали дороги от снега. Холод не смущал нас, согревались песнями и шутками. Было весело думать, что в школе станет тепло благодаря нашим трудам.

Всё чаще и чаще раздавалось у нас в Хамовниках слово «пионер». Пионерские отряды появились на «Гознаке», на фабриках «Красная швея», «Красная роза», в детском доме на Остоженке, на многих других предприятиях. Ведь первые пионерские отряды создавались не в школах, а на предприятиях. Правда, наш отряд был школьным, но у нас

школа была особенная, железнодорожная, тесно связанная с производством.

Мы, пионеры, изо всех сил старались помогать комсомольцам. Ходили по домам, уговаривая ребят поступать в школу, — тогда было много детей вне школы, — обслуживали семьи фронтовиков, даже пытались вести работу среди беспризорных. В районе Смоленского рынка их было достаточно. Чумазые, в грязных лохмотьях, они шныряли по рынку, ночевали в котлах, где варили асфальт. Мы беседовали с ними, убеждая бросить «беспризорщину». Иной раз дело кончалось дракой, но случалось, что наши слова производили впечатление.

В пионеры принимали тогда с 12 лет, и принимали не сразу. Прежде чем стать пионером, нужно было пройти кандидатский стаж. Только показав себя в деле, мальчик или девочка давали торжественное обещание и повязывали красный галстук. Носить галстук мы считали великой честью, гордились этим.

Государство помогало пионерам, чем могло. У нас, в Хамовниках, ребятам предоставляли отличный особняк на Плющихе, он стал районным Домом пионеров. В доме помещалась районная организация, штаб. Здесь комсомолец Владимир Зорин учил нас, первых вожатых, как интереснее вести работу в отрядах, чем в первую очередь заниматься здесь впервые мы услышали слова «пионерский костёр».

В просторных комнатах Дома пионеров запахло столярным клеем, зашуршали пилы, застучали швейные машинки. Работали трудовые мастерские — столярная, переплётная, швейная. Во дворе и зале высоко взлетал мяч — неразлучный спутник наших спортивных игр.

Мне хочется, чтобы вы яснее представили себе обстановку тех лет. При всём желании, государство не могло тратить на пионеров много средств, почти всё нам приходилось делать своими руками. Собственными силами мы, как могли, украшали свои пионерские уголки, развешивали лучшие картинки, какие находили дома, размещали свои самые красивые рисунки. Бывало, увидишь, что у соседнего звена «уголок» наряднее, и ночи не спишь, придумывая, как

бы сделать так, чтобы у нас стало лучше, чем у соседей. В этих уголках мы собирались, сюда приводили почётных гостей, большей частью участников гражданской войны. Это были сподвижники Фрунзе, Щорса, Чапаева.

Мы пытались подражать им в лагерной жизни и военных походах. Это были не очень лёгкие походы: с обувью дело обстояло неважно, с продуктами тоже. Обычно захватывали из дому, что у кого было, а чаще всего картошку. Вот тут и сложилась пионерская песня о картошке, о том, что картошка «объяденье», «пионеров — идеал».

Чаще всего мы отправлялись в Кнопов лес — это на Можайском шоссе, за Филями. Разведка выбирала место для лагеря. Мы строили шалаши. Опыта у нас было мало. Помню один случай: пошёл дождь и обнаружилось, что все наши шалаши протекают. Позднее мы выучились строить основательнее.

К ночи разжигали костёр, собирались вокруг него, беседовали, пели. Первые пионерские костры были ночными. Должно быть, вы знаете песню: «Взвейтесь кострами, синие ночи...» Эти костры остались у нас в памяти навсегда.

Жизнь в стране налаживалась, и пионеры участвовали в ней повсюду. В самых дальних сёлах замелькали красные галстуки. Ребята помогали взрослым на заводах, на полях, собирали лом, выращивали кур и поросят, сажали вокруг домов и школ тонкие зелёные деревца. И когда страна вплотную подошла к строительству сталинских пятилеток, естественно, родилась мысль собрать в Москве самых лучших из юных строителей, посмотреть на их дела, поговорить с ними.

Первый пионерский слёт состоялся в Москве в 1929 году. В организации этого слёта принимала участие вся страна, от мала до велика. «Что ты сделал для пионерского слёта?» — эти слова смотрели с плакатов, расклеенных на улицах, они были напечатаны на пакетах, в которые клали покупки.

Помню, как Центральное бюро пионеров задумывалось над тем, где расквартировать приезжих, — ведь прибывало шесть тысяч ребят! У кого-то возникла мысль разме-

стить делегатов по рабочим семьям. Мы решили, что это прекрасно, но не были уверены, многие ли захотят принять гостей. И вдруг нас буквально стали осаждать. Рабочие требовали, чтобы ребят поместили к ним, обижались если им отказывали. Пионеры были нарасхват; люди ссорились за честь принять их у себя. Москва с нетерпением ожидала дорогих гостей.

И вот пионеры стали прибывать. Они ехали с Севера и с Дальнего Востока, загорелые южане, голубоглазые белоруссы, белозубые узбеки. Маршировали и по московским улицам, каждый в костюме своего отряда, со значком своего отряда. Ленинградцы и севастопольцы, были в морской форме. Москва наполнилась пионерами. Это был сверкающий детский праздник. Действительность, похожая на сказку.

Конференция происходила в Кремле. При тихих, поднимались пионеры по великолепным лестницам Кремлёвского дворца. Но смущение ребят длилось недолго: через несколько минут зал наполнился непринуждённым смехом, весёлыми разговорами. «Ну, вот они и завоевали дворец», — сказала тогда Надежда Константиновна Крупская.

Один день был интереснее другого. Ребята встречались с рабочими на предприятиях, слушали доклады о великом строительстве, гостили в военных лагерях. Особенно понравилось им в гостях у военных — им по душе пришлась и жизнь в палатках и простая, но вкусная еда.

Ребята расспрашивали обо всём и сообщали о своих делах.

На конференцию Наркомзема (помню, это

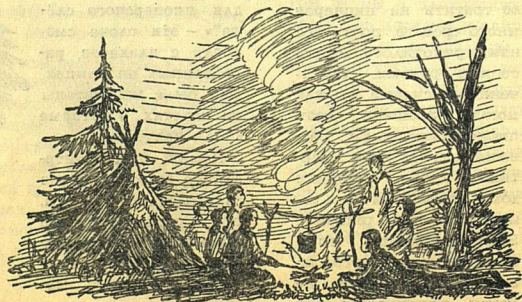
было в цирке) пионеры принесли плоды своих трудов: украинцы — колосья пшеницы, узбеки — выращенный ими хлопок, белоруссы — поросят и кур. Куры кудахтали, взвизгивали поросята, но всё же конференция была чрезвычайно деловой. И взрослые и ребята почерпнули в этот день много ценного.

В последний день слёта все делегаты вместе с московскими пионерами собрались на стадионе «Динамо». В ложе почётных гостей сидели товарищи Молотов, Микоян, Ярославский, Крупская, Алексей Максимович Горький приветствовал пионеров. Маяковский читал написанные для них стихи:

«За море синеволное,
За сто земель
и вод
Разлейся, песня-молния,
Про пионерский слёт».

А потом товарищ Ярославский произносил слова торжественной клятвы, и сорок восемь тысяч пионеров повторили за ним: «Клянусь, что буду твёрдо и неуклонно бороться за дело рабочего класса».

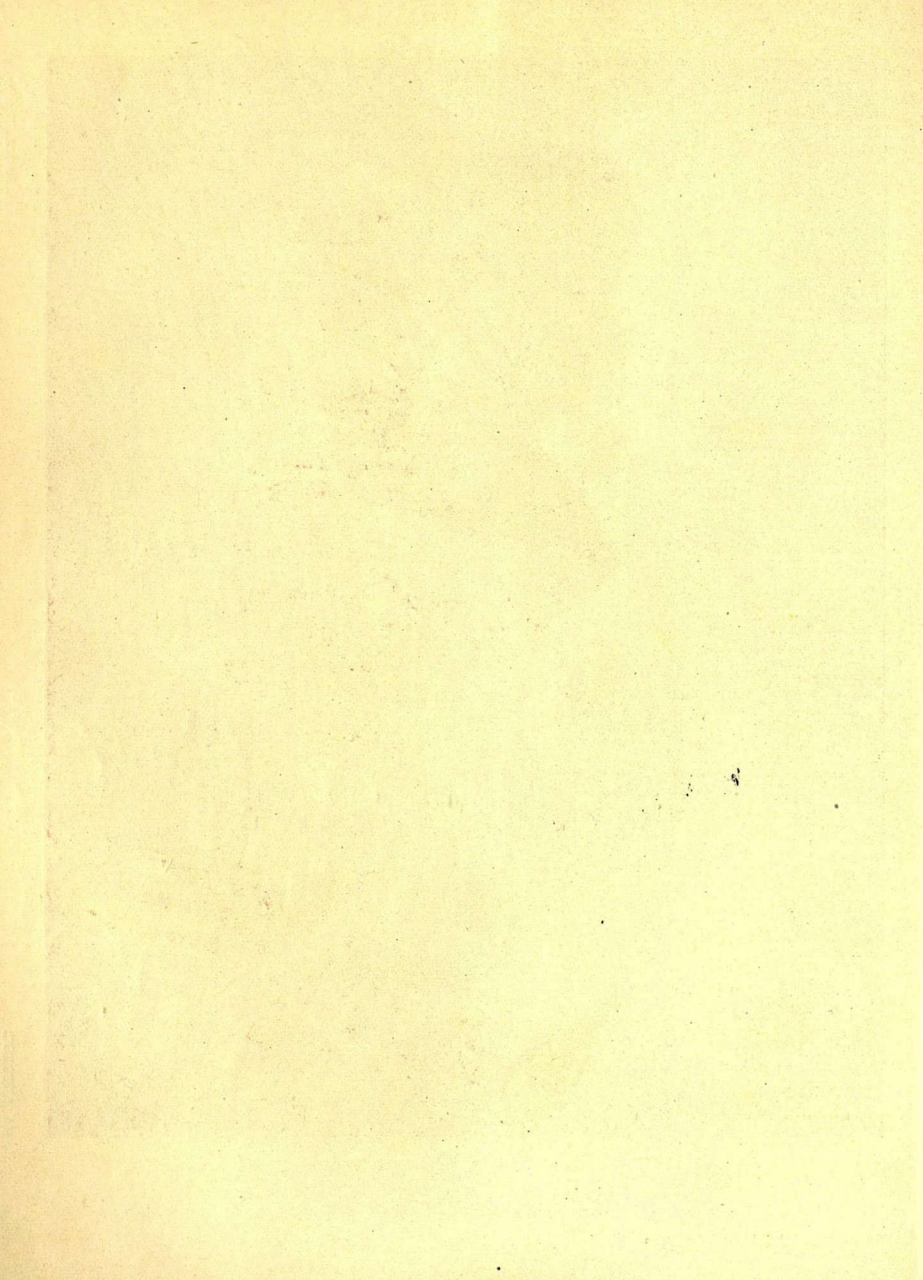
Значительными были эти минуты; недаром в глазах Горького и Надежды Константиновны стояли слёзы. Навски запомнился тот день участникам слёта. И, думаю, многие из них, те, кто подтвердил свою клятву в многолетней работе и на полях сражений, вспоминали об этом дне в ответственные минуты своей жизни.

НА СЕНОКОС.

С картины А. Пластова.

Путешествие в 1917 год

Если бы мы захотели отметить на карте Ленинграда тот центр, откуда весной 1917 года партия большевиков руководила развёртыванием революции, то красным кружочком мы обозначили бы небольшой особняк на Петроградской стороне. Это дворец Кшесинской. Здесь в мае—июне 1917 года помещались Петроградский комитет большевиков и военная организация партии.

Участники нашего путешествия встретились в редакции «Пионера» со старым членом партии большевиков Марией Леонтьевной Сулимовой. В июне 1917 года она принимала участие в работе военной организации партии. Мария Леонтьевна поделилась с ребятами своими воспоминаниями. Она рассказала о том, что происходило во дворце Кшесинской в мае—июне 1917 года.

Товарищ Ленин ясно видел, что надо делать, чтобы прогнать капиталистов и помещиков и навсегда утвердить в России власть рабочих и крестьян. Он призывал народ готовиться к социалистической революции. Капиталисты и их прислужники — меньшевики и эсеры — клеветали на Ленина. Сталина, на большевиков, говорили, что они обманывают народ. Перед партией большевиков стояла задача — объяснить народу, кто его настоящие друзья, а кто — враги.

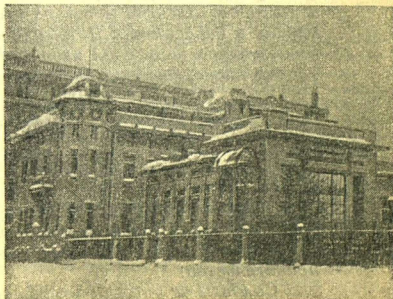
Прежде всего надо было, чтобы это поняли солдаты. Пятнадцать миллионов рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели и получивших оружие, были той силой, которая должна была обеспечить победу революции. Поэтому большевики неутомимо работали над организацией революционных солдат и матросов.

Каждый день во дворец Кшесинской приходили бородатые, запылённые солдаты, добравшиеся до Петрограда с далёких фронтов. До них дошла весть о том, что есть партия большевиков, которая обещает народу мир, землю и свободу. Фронтвики хотели сами убедиться, что это за партия и к чему она призывает народ. Они хотели своими глазами увидеть Ленина и поговорить с ним.

Каждый вечер во дворце Кшесинской происходили собрания солдат, на которых вожди большевиков говорили о задачах революции. На этих собраниях выступал и товарищ Ленин, и в эти дни большой зал бывал так

переполнен, что люди чуть ли не висели на шторах. А после собрания солдаты говорили: — Вот и я так думал, да не умел объяснить, а товарищ Ленин сказал, будто в душу мне заглянул. Всё мне теперь понятно!

Для того, чтобы как можно больше солдат знали, как им бороться за революцию, большевики стали издавать газету «Солдатская правда». Деньги на издание этой газеты собирали по гривенникам и пятачкам сами

Особняк Кшесинской.

солдаты на фронте и присылали в Петроград вместе с письмами, в которых они рассказывали, что думают и говорят их товарищи в окопах. Владимир Ильич внимательно читал эти письма, подолгу беседовал с приезжающими солдатами и знал, о чём мечтает наш народ и к чему он стремится.

Но не все солдаты и рабочие так хорошо разбирались тогда в политике. Много было среди них неграмотных, многие ещё верили меньшевикам и эсерам. Надо было привлечь и их на сторону большевиков.

По четвергам во дворце Кшесинской для солдат, прибывших с фронта, устраивали концерты. Большие окна зала были всегда открыты, и на улице быстро собиралась тол-

па, привлечённая звуками музыки. На балконе выходили лучшие агитаторы партии и выступали с речами. Не раз с этого балкона выступали перед народом товарищ Ленин и товарищ Сталин.

Недалеко от дворца Кшесинской, на том месте, где сейчас построено огромное здание Транспортной академии, в 1917 году стоял деревянный цирк «Модерн». Спектакли в нём прекратились, и в помещении этого цирка также почти каждый вечер происходили митинги, на которых представители партии большевиков день за днём терпеливо и настойчиво разъясняли народу, что Временное правительство обманывает солдат и рабочих и что единственный путь к свободе и счастью — это социалистическая революция.

Большевики пользовались любым случаем, чтобы говорить народу правду о революции и разоблачать её врагов. Каждый член партии был агитатором. Десятки митингов происходили каждый вечер на площадях, улицах и набережных Петрограда. Вот картина одного из таких митингов, которую нарисовал член художественного кружка Ленинградского дворца пионеров Миша Моськин.

Влияние большевиков росло с каждым днём. Рабочие и солдаты выбирали большевиков в комитеты и советы депутатов. Росли ряды нашей партии. Всё меньше сторонников оставалось у Временного правительства.

Солдаты не хотели больше проливать свою кровь за интересы капиталистов. Крестьяне требовали раздела помещичьей земли. Рабочие не хотели больше трудиться на хозяев. Всё больше людей стало понимать, что

только Ленин и большевики могут помочь народу осуществить его желания. Стронники Временного правительства видели, как растёт доверие народа к большевикам, и всеми средствами пытались подорвать это доверие. Они не останавливались перед любой клеветой и ложью.

Дорогие ребята!

Мы присутствовали на беседе Марии Леонтьевны Сулимовой с пионерами и с увлечением слушали её рассказ. Нам было очень интересно познакомиться с человеком, который сам работал в 1917 году под руководством Ленина и Сталина и часто с ними встречался.

Мария Леонтьевна рассказывала о том, сколько клеветы распространяли враги о Ленине и Сталине. Буржуазные газеты называли дворец Кшесинской «большевистской крепостью» и распускали слухи, что Ленин живёт в роскоши, ест только на золотых и серебряных блюдах.

Мы спросили: как на самом деле жил тогда Владимир Ильич? Мария Леонтьевна рассказала нам об этом.

Владимир Ильич работал с раннего утра и до поздней ночи. Бывало, если ему не напомнят, он и поест забудет. А как напомнят, поест чего-нибудь на скорую руку и снова за работу.

Буквально во всём Владимир Ильич был самым нетребовательным и скромным человеком. Когда он возвращался в Россию из Швейцарии, где был в эмиграции, товарищи решили купить ему новый костюм и пальто. Но Владимир Ильич рассердился и заявил, что он привык к своему старому костюму и другого ему не надо.

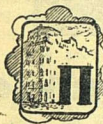
Такой же скромностью отличался и товарищ Сталин. Мария Леонтьевна Сулимова впервые увидела Иосифа Виссарионовича на заседании Петроградского комитета партии. Товарищ Сталин был тогда членом Центрального Комитета. Кто-то спросил:

— А что по этому поводу скажет товарищ Сталин?

И вот от стены отделился скромный и молчаливый человек в синей тужурке, наглухо застёгнутой на все пуговицы, и твёрдым, спокойным голосом высказал своё мнение.

Аида Кондратьева и
Нина Кроткова

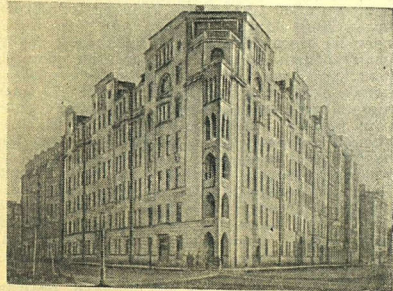
(6-й класс, 205-я школа).

пионеры-ленинградцы, участники нашего путешествия, посетили тот дом, где в июне 1917 года жил товарищ Ленин.

В большом шестизэтажном доме № 48 по бывшей Широкой улице находится квартира № 24. Здесь в начале 1917 года жила сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична Ульянова-Елизарова.

В этой маленькой квартире из трёх комнат поселился, вернувшись из-за границы, товарищ Ленин. Он прожил здесь с 4 апреля до 3 июля 1917 года.

В этом доме В. И. Ленин жил с 4 апреля до 3 июля 1917 года.

Здесь Владимир Ильич писал свои «Апрельские тезисы», готовился к выступлениям, встречался со своими боевыми товарищами — И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, Я. М. Свердловым, С. Орджоникидзе и другими. В этой квартире товарищ Ленин написал за три месяца около 150 различных статей по вопросам теории и тактики большевистской партии.

Сейчас Широкая улица называется улицей Ленина, а квартира № 24 превращена в музей и сохраняется такой, какой она была в те дни, когда здесь жил Владимир Ильич со своей женой Надеждой Константиновной.

В их комнате стоят две простых железных кровати, покрытые одеялами из серого солдатского сукна. У окна обычный канцелярский стол, за которым работал Ленин. Стены оклеены дешёвыми синими обоями в полоску. В столовой — простые стулья, буфет с посудой, пианино, кушетка и обеденный стол, покрытый чистой белой клеёнкой.

Вся обстановка говорит о необыкновенной скромности Владимира Ильича.

Этот маленький музей произвёл на меня огромное впечатление. Осмотрев его, ощущаешь Владимира Ильича ещё более близким и родным и ещё лучше понимаешь, почему так горячо любили Ленина наши матери и отцы.

Семён Фейгин

(7-й класс, 6-я школа).

Быль о мёртвой и живой воде

и. Агранояский

Фото Г. Зельма

Мы едем к озеру

Я попал на озеро Севан с Николаем Ивановичем Гусевым, учёным-гидрологом, любезно согласившимся познакомить меня со всеми тонкостями так называемой севанской проблемы.

Мы выехали из Еревана, столицы Армянской республики, в полдень. Город, с его розовыми сделанными из местного строительного камня — туфа — зданиями, казалось, вот-вот загорится ярким красным полымем, подожжённый нестерпимо палящим солнцем.

Сразу за городом начался крутой подъём в гору. После десяти минут езды, когда мы выбрались из котловины, в которой расположен Ереван, нам открылась картина, величественнее которой мне редко доводилось видеть. В раскалённом, огнедышащем воздухе поднимались к небу два огромных белоснежных конуса, две ледяные горы, искрившиеся на солнце, как гигантские бриллианты. То были Малый и Большой Арарат. Такой прохладой, такой свежестью веяло от этих ледяных великанов, стоявших как будто совсем рядом с оцепеневшей от зноя котловиной Еревана.

— Ну что ж, — сказал Николай Иванович, — я, пожалуй, начну свой рассказ о севанской

проблеме. Пока машина проедет 60 километров, отделяющих Ереван от озера, я кое-что успею рассказать вам.

Задача о бассейне и тарелке

— Прежде всего попробуйте решить небольшую арифметическую задачу. В некий бассейн по двадцати девяти трубам ежегодно поступает 770 миллионов кубических метров воды. Надо определить: сколько воды вытекает из этого бассейна по тридцатой трубе, если уровень воды в нём остаётся постоянным? Знаю, знаю! Вы ответите: вытекает столько же, сколько и поступает, то есть 770 миллионов кубических метров. Сверимся с ответом: ничего подобного — не 770, а 50 миллионов кубометров. Да, да, 50 миллионов. Задача эта не выдумана мною. Бассейн, о котором я говорил, — это и есть озеро Севан. Двадцать девять горных рек впадают в озеро. Они приносят ежегодно 770 миллионов кубометров воды. Из Севана же вытекает только одна речка, вот эта самая Занга, вдоль русла которой мы, как изволите видеть, едем.

Я поглядел вниз: на дне ущелья, прыгая по камням, пенилась узкая и неглубокая речушка.

— Неужто по ней стекает вода всех двадцати девяти рек, впадающих в Севан? — спросил я у Николая Ивановича.

— Нет — ответил он мне. — Занга забирает только 50 миллионов кубометров. Куда же девается остальная вода, приносимая горными реками? Да и не только эта вода. Севан — одно из величайших в мире высокогорных озёр. Его площадь больше 1400 квадратных километров. На его поверхность выпадает очень много осадков в виде снега и дождя — около 550 миллионов кубометров воды. Почему же не выходит оно из берегов?

Не получив от меня ответа, Николай Иванович задал мне ещё один вопрос.

— Как вы думаете, — спросил он, — что будет с наполненной до краёв тарелкой воды, если её оставить на год стоять под открытым небом? Перельётся ли вода через край оттого, что в тарелку будет попадать дождь и снег, или её станет меньше в тарелке потому, что вода будет испаряться под лучами солнца?

Я молчал, и Николай Иванович ответил сам:

— Всё дело в том, в какой точке земного шара будет стоять тарелка. Есть на земле зона, она лежит примерно на широте Москвы и Ленинграда, где количество выпадающих на каждый метр площади осадков больше количества испаряющейся влаги. В этих местах вода будет течь через край тарелки. В этой зоне водные бассейны дают жизнь рекам. Таковы, например, Осташковские болота, из которых в разные стороны вытекают Волга, Днепр, Двина, таковы и озёра Америки. В другой же зоне испарение настолько сильно, что убыль воды больше, чем пополнение от осадков. Здесь вода в тарелке будет высыхать. Эта зона опоясывает земной шар примерно на широте Средиземного моря. Озёра и моря, расположенные здесь, если они не имеют других источников пополнения водой, кроме осадков, высыхают. Так мелеют Каспийское и Аральское моря, умирает некогда большое озеро Куку-Нор — «Звёздное море», что находится в Средней Азии. В эту же зону входит и озеро Севан. Выше миллиарда 200 миллионов кубометров воды ежегодно испаряется с огромной площади Севанского озера под лучами знойного солнца. Эту воду, превращённую в облака и тучи, уносит ветер, и она проливается дождём и снегом далеко от Армении. А вы знаете, что означает для республики вода? — спросил меня Николай Иванович.

Сокровища Матенадарана

Да, я уже кое-что знал о значении воды для Армении. Я уже побывал в Матенадаране этой знаменитой армянской библиотеке — со кровещицею редчайших в мире древних рукописей и старинных книг. Рукописи и книги Матенадарана поведали мне о том, как в давних времён томился народ из-за нехватки воды. Нет в мире почвы более благодатной для созревания винограда, чем земля Армении. Прекрасно растут здесь и персики, и абрикосы, и яблоки, и хлопок, и пшеница. Но той влаги, что выпадает в виде дождя на раскалённые почвы Армении, нехватает. Чтобы земля эта давала богатый урожай каждый гектар её должен получать около 10 тысяч кубометров воды за лето. Где взять такое количество воды? На первый взгляд её в Армении немало: плещется бесчисленное количество озёр, лежит она в виде снега на вершинах гор, уходит в море по рекам, испаряется под лучами солнца.

Древние летописцы скорбели: страшные муки испытывает Армения. Кругом неё вода, но нет влаги на её полях. Это похоже на древнегреческий миф о Тантале. Провинившийся любимец богов, осуждённый на вечные муки, Тантал стоял по пояс в воде. Но едва лишь он наклонялся, чтобы напиться, вода убегала. Ветки чудесных плодов склонялись над ним. Но стоило ему протянуть руку — исчезали ветви. «Разве не так с нашей несчастной Арменией?!» — восклицал древние поэты и летописцы.

И в сознании народа родилась мысль: те должны быть страшные чудовища — драконы — преграждают доступ к воде. Эти чудо-

Славится Севан ещё и своей форелью — здесь водятся такие разновидности этой рыбы, какие не встречаются больше нигде в мире. Свежую форель, выловленную севанскими рыбаками, на самолётах доставляют в Москву и другие города Союза.

ища народ называл вишапами. Каменные изображения их до сих пор можно увидеть в горах Армении.

И ещё рассказывали книги о том, как боюлся армянский народ за воду, как рыл он каналы, изменял русла рек, но воды всё не хватало. Приходили иноземные завоеватели и уничтожали многолетний труд.

Вот о чём поведали мне древние книги

Человек, сражавшийся с вишапами

— Всё, что вы вычитали в залах Матенадрана, верно, — сказал мне Николай Иванович, — но видели ли вы человека, который зам сражался с вишапами, с этими чудовищами, мешавшими народу Армении получить вдоволь воды?

Я принял этот вопрос за шутку, но Николай Иванович, заметив мою улыбку, возражал:

— Нет, вам предстоит выслушать рассказ о человеке, действительно сражавшемся с вишапами. История, которую я вам рассказываю, случилась не сорок веков, а всего лишь 10 лет тому назад. Но и тогда, как и в древности, армянский народ жестоко страдал от недостатка воды. Я говорю, конечно, о трудном люде. Человек, о котором я вам обещаю рассказать, Сукиас Манасерян, сын бедного армянского крестьянина. С детства он наблудал, как страдает его родной народ от недостатка воды. И так как он был одним из немногих крестьянских юношей Армении, которым удалось получить образование, он задумался над тем, не удастся ли ему облегчить долю родного народа.

Его долгие годы занимала мысль: как сделать, чтобы вода двадцати девяти рек, впадающих в Севан, не растрчивалась зря? Загородить русла этих рек? Заставить их течь не в Севан, а минуя озеро, вниз, в Араратскую долину? Но для этого надо устроить 19 плотин и, главное, прорыть 29 новых русел. Нет, это слишком сложно. И Сукиас Манасерян придумал другое.

Каждый ученик знает: влаги испаряется сем меньше, чем меньше поверхность испарения. Литр воды, если налить его в широкий таз, испарится гораздо быстрее, чем тот же литр, налитый в бутылку, в которой поверхность испарения меньше. Площадь Севана слишком велика — 1400 квадратных километров. Надо сократить эту площадь, решил Манасерян. Тогда и испарение уменьшится. Он придумал и способ сокращения площади озера. Севан лежит в каменной чаше. Чаша эта образовалась из лавы, извергнутой некогда действовавшими вулканами. В течение многих веков в эту чашу стекали реки, падали снега и дожди, и она всё боль-

ше и больше заполнялась водой. Выхода воде отсюда не было, и, лишь когда чаша совсем наполнилась, через один, наиболее низкий край её стала переливаться вода — так образовалась река Занга. В иные годы, когда осадков выпадало мало или когда солнце жгло особенно сильно, озеро мелело. Тогда через край каменной чаши вода не переливалась, и Занга совсем высыхала. То были годы великих бедствий для армянского народа. Чаша Севана, словно древнее чудовище народной фантазии — вишاپ — стерегла воду Севана, не давала её народу. Надо продрать в каменное брюхо этого чудовища, тогда на крестьянские поля низринутся из Севана потоки воды. С каждым годом станет убывать тогда вода в Севане. И настанет время, когда часть озера высохнет, дно обнажится, и вода останется только в наиболее глубокой части Севана. Небольшое оставшееся озеро — Малый Севан — уж не будет испарять такое огромное количество воды, как раньше.

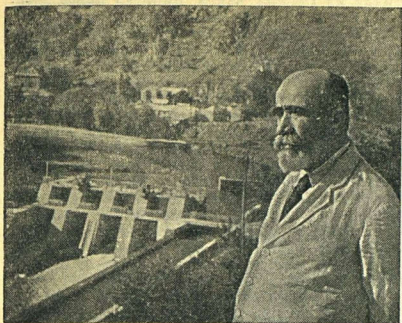
Таков был план Манасеряна. Но кто же осуществит проект Сукиаса? Царское правительство? Надежда на него была слабая. Но всё же жители 47 деревень отправили своих холодов в Тифлис, где находилось управление по орошению Кавказа. Начальник этого управления, важный царский чиновник Петров, встретил холодов враждебно и ответил: «Тысячи лет Севан испарял свои воды, пусть ещё века он будет испарять их».

Манасерян ещё попытался дать бой этим чудовищам-вишапам, этим царским чиновникам, которым дела не было до бедствий народа. Он писал статьи в газетах, но никто не поддерживал его.

— Но тут, — сказал Николай Иванович, — свершилось то, что уничтожило всех чудовищ, мешавших народом нашей страны, свершилась Великая Октябрьская революция. После революции начало осуществляться всё, о чём мечтал армянский народ. Сукиас Ефремович Манасерян работает сейчас заместителем председателя Севанского комитета — специального учреждения, которое занято решением севанской проблемы. Советские учёные и инженеры несколько иначе решают задачу использования вод Севана, чем это представлялось Манасеряну, но в основе их работ всё та же идея. Как она практически осуществляется, вы увидите сами, когда мы побываем на Севанстрое. А вот, кстати, и посёлок Севанстрой, вот и озеро глядите..

Голубое озеро

Я слышал, что Севан раньше называли озеро Гокча, что обозначает «Голубое озеро», но никогда не думал, что синева воды может быть такой яркой, такого густого тона

Сухиас Ефремович Манасерян.

Синее озеро окружали тёмнокоричневые горы. Горы эти сами походили на волны какого-то грозного, тёмного, разбушевавшегося моря. Неудивительно, что мрачные горы могли в древности казаться человеку страшными чудовищами, преграждавшими доступ к сказочному озеру. Озеро же было и впрямь сказочно прекрасным. Оно казалось безбрежным, как море, а посредине его, будто повиснув между синевой озера и голубым шатром неба, чернел небольшой, точно вырезанный из картона, островок, напоминающий сказочный остров Буян среди синя моря-океана.

— Пройдут годы, — нарушая молчание, сказал Николай Иванович, — и большая часть озера осушится. На илистой почве дна будут возделываться тучные нивы — сто тысяч гектаров полей и огородов. Площадь озера уменьшится в 7 раз, почти в столько же раз уменьшится и испарение. Малый Севан будет достаточно велик — более 200 квадратных километров — и так же красив, как ныне. Но, покорённый человеком, он станет уже не разорителем, а благодетелем Армении. Воды его оросят 120 тысяч гектаров ныне пустыщих каменистых земель. Кроме того, он даст энергию сотням заводов, фабрик, шахт, осветит десятки городов и тысячи селений.

Когда у Манасеряна родилась идея спуска севанских вод, Армения была бедным сельским краем, и Манасерян мечтал только о том, чтобы дать влагу жаждущим землям своей родины. Но после Великой Октябрьской революции, когда во всей нашей стране началось великое строительство, решено было и в этих местах создать мощную промышленность. Советские инженеры пересмотрели проект Манасеряна. «Пусть воды Севана, — решили они, — не только орошают поля Армении, пусть, низвергаясь с заоблач-

ной высоты, силой своего падения они заставят вращаться огромные гидротурбины».

Я огляделся вокруг и попытался представить, какую гигантскую работу может произвести эта колоссальная масса воды при падении с двухкилометровой высоты.

— Вы можете допустить, — сказал Николай Иванович, — что перед вами лежит не озеро, а значительный угольный бассейн. Каждый кубометр севанской воды при своём падении может выработать столько же энергии, сколько два килограмма первосортного донбасского угля. Для сокращения поверхности озера за 50 лет будет слито примерно 50 миллиардов кубометров «лишней» севанской воды. Эта вода даст столько же энергии, сколько сто миллионов тонн угля. А это ведь равно целому угольному бассейну! И разработка не истощит его. Через 50 лет, когда сольют «лишнюю» воду, 29 рек, дожди и снега всё так же будут приносить в Севан огромное количество воды — более 800 миллионов кубометров ежегодно! На Занге выстроят восемь электростанций. Две из этих станций строятся и начнут работать уже в новой пятилетке. Это Озёрная и Гюмшская ГЭС. Гюмшская станция самая большая Озёрная ГЭС значительно меньше по мощности, но она весьма любопытна по устройству, и нам обязательно нужно побывать на её строительстве, чтобы лучше представить себе, как идёт укрощение Голубого озера. Для этого нам предстоит совершить небольшое путешествие под землёй

„Метро в горах“

В пристройке шахты, находившейся неподалёку от озера, нас облачили в глухие резиновые комбинезоны, вправленные в резиновые сапоги. Мы стали похожи на водолазов. В шахтёрской бадье минут пять мы опускались в глубь какого-то тёмного колодца. Выйдя из бадьи, мы оказались в огромной, освещённой электрическим светом подземной пещере, высотой метров в тридцать и метров сорок в диаметре. С гранитных стен пещеры и с потолка через сотни трещин струились потоки воды. Во всех концах пещеры работали десятки людей, одетых в такие же, как у нас, резиновые костюмы. Они бурлили гранитные стены.

— Мы находимся в зале подземной Озёрной электростанции, — пояснил Николай Иванович. — Эту пещеру создали люди, выпотрошив каменное чрево скалы с помощью буровых инструментов и взрывчатых веществ. Здесь скоро будут установлены две мощных гидротурбины. Чуть в стороне от этого зала, высоко над нашими головами, плещутся воды Севана. Когда в каменной чаше озера пробьют дыру, воды Севана под огромным напором ринутся в этот зал по наклонной стальной трубе. Севанские воды начнут падать на лопасти турбин примерно с высоты шестидесяти метров. После не-

скольких лет, когда уровень озера понизится, высота этого падения, так же как и сила напора воды, уменьшится. А через 50 с лишним лет поверхность озера будет находиться уже на одном уровне с турбинами. Тогда Озёрная станция прекратит свою работу. Но это произойдёт примерно в 2000 году. Остальные семь электростанций и тогда будут продолжать действовать.

И спросил у Николая Ивановича, куда же дальше потечёт севанская вода из этого подземного зала. Он указал мне на отверстие тоннеля, видневшееся в конце зала.

— Этот тоннель тянется на 6 километров, — объяснил Николай Иванович. — Вы представляете себе, какой понадобится труд, чтобы пробить в скале, в крепчайших вулканических породах, такой тоннель? Всегда нелегко работать под землёй. Здесь же строителям приходится особенно трудно: ведь работы ведутся на высоте 2 тысяч метров, в разреженном, горном воздухе. Это строительство называют здесь «метро в горах». Лучших своих сынов посылает Армения на эту стройку, которая имеет особо важное значение для пятилетки республики.

Водяная лестница

Мы прошли насквозь шестикилометровый тоннель. Я услышал шум воды.

— Это Севан? — спросил я.

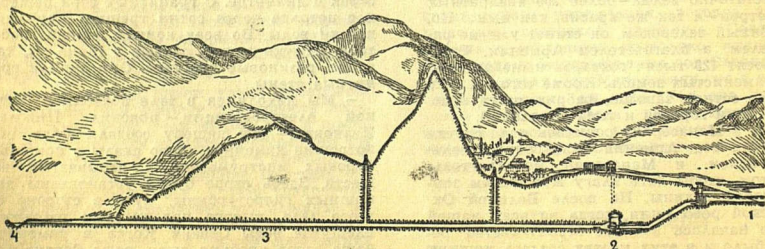
— Нет, — сказал Николай Иванович, — Севан от нас теперь более чем в шести километрах. Это шумит Занга. Тоннель выходит к её руслу. Мы только что прошли по пути, который в скором времени станет новым руслом Занги. В истоке Занги, там, где она вытекает из озера, устроены шлюзы. Когда тоннель будет окончательно готов, ворота этих шлюзов закроют, и доступ воды в старое русло Занги прекратится. Но зато значительно большее количество воды, чем то, которое забирает

сейчас из Севана Занга, ринется через пробитое отверстие под землёю. Эта вода пройдёт через зал подземной электростанции, потом через тоннель и только после этого опять направится в русло Занги и потечёт по старому, проторённому в течение многих веков пути. Но человеку невыгоден этот путь. Какая польза от того, что севанские воды будут стекать небольшими прыжками по каменистым порогам русла Занги? Они ведь только бесплодно растратят при этом всю свою энергию. Советские инженеры решили: надо не давать реке падать с гор постепенно, а заставить её как бы прыгать с одной огоромной ступени на другую большими скачками. Надо, чтобы река образовала ряд гигантских водопадов. Сила этих водопадов и приведёт в действие турбины электростанций. Таких «ступеней» на Занге будет восемь. Они образуют как бы водяную лестницу. Инженеры называют эту лестницу каскадом. Потому и вся севанская проблема именуется «севанским каскадом». Чтобы образовать севанский каскад — лестницу из 8 ступеней, — Занге не дадут течь по старому руслу. Лишь только немногого пробежит река по старому пути, как её уведут в тоннели и каналы. Тоннели эти строятся с небольшим уклоном. Река потечёт по ним медленно, не растративая своих сил. Зато из выходных отверстий таких тоннелей или каналов вода станет падать в своё старое русло с большой высоты. Водопады каскада приведут в действие турбины восьми электростанций.

Вот что совершат воды Севана, прежде чем они растекутся по каналам на поля Армении

Живая вода

Мы возвращались в Ереван ночью. Вот я опять возвышенность, с которой мы рассматривали днём панораму Арарата. Мы остановили машину и подошли к краю обрыва, вдоль которого виаляс дорога. Ночная завеса скрыла Арарат. А внизу, до самого горизонта.

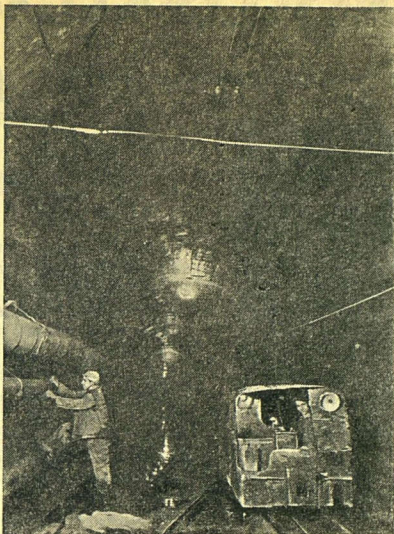

Берег Севана обозначен цифрой 1. Из отверстия в каменной чаше, окружающей озеро, вода по наклонной стальной трубе попадает в зал подземной электростанции (2). Потом потечёт она по шестикилометровой тоннелю (3). Он пробит глубоко под землёй, в толще гор. Цифрой 4 обозначено место, где воды Севана попадут в старое русло Занги.

от края до края, переливаясь тысячами огней, будто огромное светящееся озеро, в глубокой котловине лежал Ереван.

— Это электрическое озеро рождено Севаном, — сказал Николай Иванович. — И это только первые, незначительные результаты использования вод Севана — пока лишь тех вод, что сами собой текли из озера в Зангу. В годы первых пятилеток на Занге были построены три электростанции. Они уже изменили лицо Еревана и окружающего его района. Вам доводилось видеть в местном музее панораму дореволюционного Еревана? Это был грязный, захолустный городишко, по которому ночью ходили с факелами или с фонарями. Теперь, как видите, это сверкающий тысячами электрических огней большой и благоустроенный город. Ну, а когда воды Севана потекут не бедной струей нынешней Занги, а мощным, полноводным потоком, когда будет построена вся водная лестница, весь Севанский каскад, — преобразится вся Армения. Помните сказку о мёртвой и живой воде? Долгие годы Севан был бассейном мёртвой воды. Он отбирал у Армении драгоценную влагу, лишил её жизненных соков. Сейчас советские люди делают эту воду живой. Воды Севана вызовут к жиз-

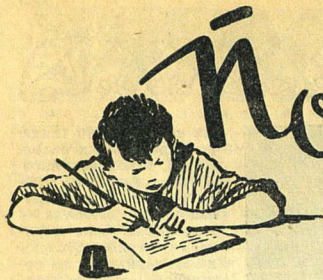

По тоннелю Озерной ГЭС спуют электровозы. Идут последние работы перед тем, как пустить севанские воды в одетый бетоном тоннель.

ни сотни тысяч гектаров прекрасных садов, полей, виноградников. В горах Армении много меди и редкого драгоценного металла — молибдена. Уже строится и начнёт работать в эту пятилетку на севанской электроэнергии мощный медно-молибденовый комбинат. В годы этой пятилетки вступят в строй и десятки других предприятий. Энергию севанских вод используют для производства сложных химических реакций, которые позволяют превратить глину в алюминий, а известняковые камни — в резину. Да, современная химия знает способы превращения обычного камня в синтетический каучук — резину. Для этого нужно только много дешёвой электроэнергии. А электроэнергия Севанского каскада будет в 4 раза дешевле обычной. Армения станет одним из важнейших мировых центров химической промышленности

и промышленности цветных металлов...

Я долго слушал рассказ Николая Ивановича о будущем Армении, о её пятилетке. И эта была о мёртвой воде Севана, которую советские люди превращают в живую, живую воду, показала мне прекраснейшая легенда и сказания, прочитанных мною в залах Матенадарана.

Макс Бременер

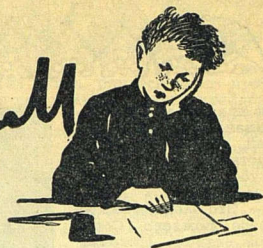

Рис. В. Константинова

Шестиклассники Ваня и Коля дружили уже два года. Они были отличники и члены совета отряда. Говорили, подражая друг другу, одинаковым голосом. Читали одни и те же книги. Всё делили пополам. А когда совершали на лыжах далёкую прогулку и сильно уставали, то менялись лыжами, и от этого усталость становилась меньше. Может быть, оттого, что они привыкли во всём подражать один другому или по какой-то другой причине, но оба товарища заболели в начале марта, а вернулись в школу лишь в апреле. Ване и Коле надо было догонять класс. Но была весна, и очень часто вместо того чтобы засесть за уроки, друзья гуляли по залитому солнцем городу. Учебники они носили с собой, но говорили о том, как провести лето, куда пойти после окончания школы и не начать ли тренировать волю. Это были интересные разговоры, которые затягивались надолго. Потом мальчики подсчитывали, сколько страниц им надо повторить и выучить, и, вздыхая, закладывали страницы карандашами.

...И вот до экзаменов осталось двадцать дней.

Ваня и Коля взглянули на зазеленевшие деревья и произнесли одновременно: «Как быть?»

— Коля, — сказал Ваня. — Мы всё очень запустили. Но все-таки нас же двое. Давай что-нибудь придумаем.

— Вот что, — сказал Коля, — алгебру да геометрию мы всё-таки знаем хорошо. А историю мы почему-то частенько откладываем. Успеем, дескать. Это просто. А теперь и Рим и средние века. Ни ты, ни я выучить это всё не успеем. Знаешь

что? Давай по билетам: ты учишь чётные, я — нечётные. Или наоборот. А потом друг другу расскажем. Идёт?

И они разделили поровну братьев Гракхов, крестовые походы, Пунические войны и многое другое.

Накануне экзамена ребята созвонились по телефону.

— Ты какие выучил? — спрашивал Ваня. — Чётные?! Да ведь и я чётные! Ах, нечётные! Ну, молодец. А то я, знаешь, как испугался!

Потом они встретились, и Коля рассказывал Ване о крестовых походах. А Ваня, не учивший крестовых походов, поведал Коле об их значении: такой вопрос стоял в его билете.

Но за один вечер всю историю Рима и средневековья изучить, конечно, очень трудно. И они расстались, чтоб перед экзаменом выспаться.

За экзаменационным столом сидело пять человек, из них двое — незнакомые.

Ваня и Коля решили ещё вчера сдавать первыми. Они подошли к столу, покрытому зелёной материей, и вытащили по билету. Ване достался Гай Гракх, которого выучил Коля, а Коле — Тиберий Гракх, о котором он ничего не знал. Друзья сели рядом на первую парту и положили билеты далеко перед собой. Затем, готовясь к ответу, Ваня стал отвечать на колин вопрос о Тиберии Гракхе, а Коля стал записывать на листок всё, что помнил о его брате Гае. Они уже хотели поменяться листками, как вдруг Коля, а секундой позже и Ваня поспешно отдернул свой листок к себе. Когда в следующее мгновение они опять хотели поменять-

В лагере

Большой парк. Высоко вверх протянули свои косматые лапы древние сосны и ели. А у их подножия, словно сказочный карликовый городок, — наш лагерь: тридцать маленьких фанерных домиков, расположенных полукругом. Посредине трибуна и мачта с флагом, здесь по утрам и вечерам мы проводим пионерскую линейку. Весело и радостно выглядит сейчас наш лагерь: голубые домики, яркие клумбы цветов и посыпанные песком дорожки придают ему праздничный вид. А каким уютным и заброшенным показался он нам, когда мы только приехали. Аллеи парка были загущены, дорожки не расчищены, кругом лежали почерневшие прошлогодние листья.

Первая смена, в которую попали и мы, сразу же взялась за наведение порядка. Всю территорию парка мы украсили лозунгами и флажками, в аллеях расставили скамейки, проложили новые дорожки, сделали пионерскую линейку и двадцатиметровую мачту с флагом.

Через неделю лагерь выглядел совсем по-другому, мы были очень рады, что нашим родителям, приехавшим к открытию лагеря, всё в нём очень понравилось. Ведь это мы сделали своими руками.

Эту вазу сделали девочки 1-го отряда.

* * *

В нашем лагере было столько интересных занятий, что каждый из нас научился что-нибудь делать. У нас была столярная мастерская, в ней мальчики делали табуретки, скамейки для парка, тумбочки и полочки для мыла и зубного порошка.

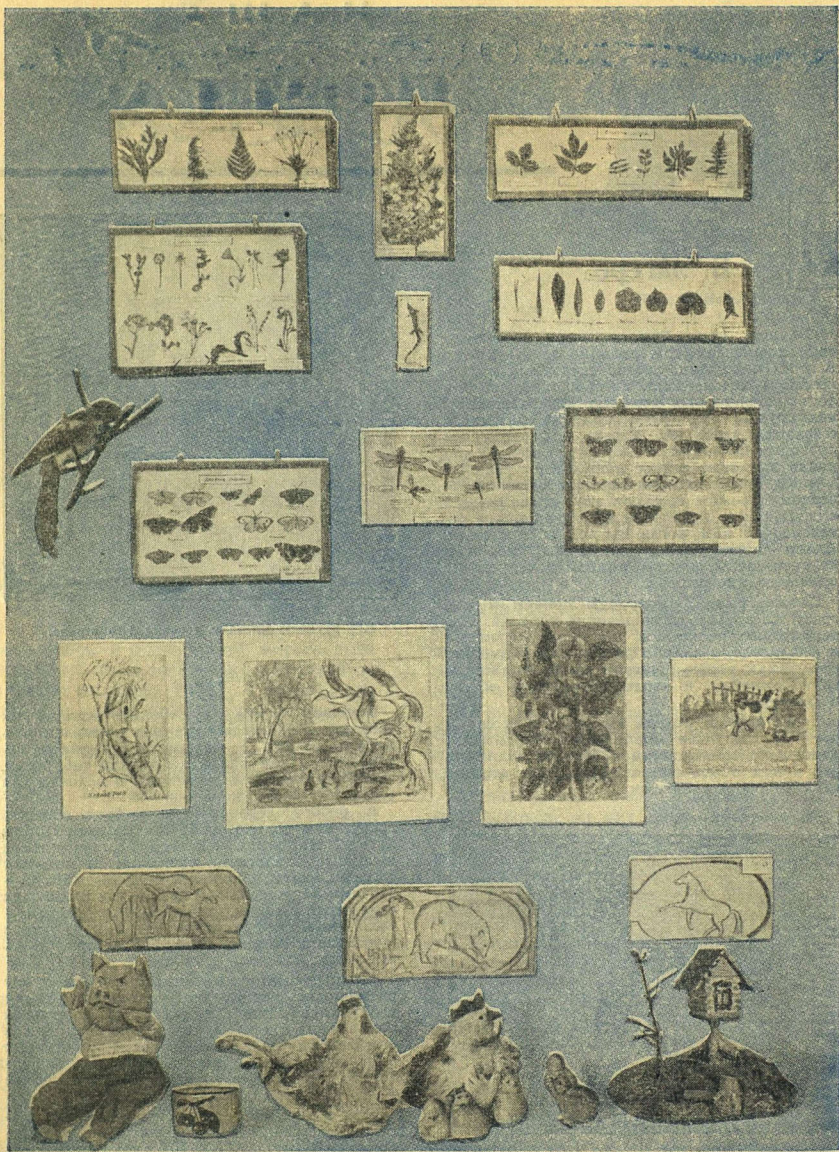
А работу девочек можно было увидеть сразу, как только войдешь на территорию лагеря. На окнах каждого домика висели вышитые занавески; тумбочки и столики были накрыты нитяными салфетками и скатертями. «Рукодельный цех» — так назывался отдельный домик, где девочки работали. Сюда часто приходили малыши учиться у старших чинить своё бельё, пришивать пуговицы, штопать чулки.

В ясные, солнечные дни прямо на траве размещалась ещё одна мастерская. В ней собирались любители работ из картона и папье-маше. Из ваты, картона, бумаги и клея они делали кукол, зверюшек, причудливые вазы, игрушечные чайные сервизы и многое другое. Всё это раскрывалось и сохло здесь же, под солнцем.

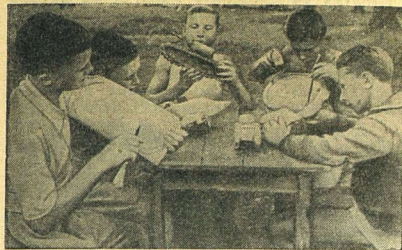
Наш лагерь шефствовал над соседним детским садом, и часто мы, нагруженные подарками, которые делали сами, приходили туда в гости.

Чулки всегда должны быть в полном порядке.

Много работ пионерского лагеря попало в Центральный дом пионеров на городскую выставку.

Занятие кружка резьбы по дереву.

Пионеры разучивают новую песню...

Больше всего малыши радовались пёстрым, нарядным куклам. А фартучки моментально надевали на себя и в карманчик засовывали вышитый носовой платок.

Когда мы вернулись из лагеря, наши лучшие работы отправили в Центральный дом пионеров на городскую выставку. Всем особенно понравилась резьба по дереву: избушка на курьих ножках, два медведя и лошадь с жеребёнком.

• •

Был у нас и живой уголок. В нём мы помещали всё, что приносили из экспедиций, походов и прогулок. Однажды мы отправились на экскурсию и поймали сразу двух хорьков. Хорьки во всём были похожи друг на друга: они вместе бегали, вместе ели, вместе засыпали. Совсем разными и очень смешными оказались сороки, которых мы тоже поймали около лагеря. Одна была злой и прожорливой. Никого не подпускала к себе и часто, когда её оставляли в комнате одну, съедала наши коллекции, особен-

но бабочек. А другая — спокойная и важная. У неё был общий с нами режим. Кричала она только тогда, когда мы уходили в столовую.

В живом уголке биологи наблюдали превращение гусеницы в бабочку, выводили лягушек из икринок. Ребята старших отрядов научились скрывать лягушек и мышей и проводили опыты с объяснениями на сборах отрядов.

Мы хорошо знали, какие деревья и цветы росли вокруг нашего лагеря. Все стены юннатского домика были заняты гербариями, коллекциями бабочек, насекомых, препаратами лягушек, ящериц, чучелами птиц и зверей.

В школы мы привезли сорок пять коллекций: «Высшие споровые растения», «Сложные листья», «Цветы нашего лагеря», «Формы листовой пластинки» и много, много других.

Лёня Галкин,
Нина Лебедева.

Ст. Кучино, Курекой ж. д.
Пионерский лагерь.

А это лагерные стенгазеты. Их выходило много и большинство из них были очень интересными.

Приключения Дюймовочки

В прошлом году в нашем лагере было много малышек, и большинство из них в лагерь пошло впервые. Мы, старшие пионерки, относились к младшим особенно внимательно, потому что самостоятельная жизнь для них была непривычной. Мы их учили причёсываться, мыться, убирать постели, читали им книги, рассказывали сказки, а несколько старших девочек, в том числе Виктория Этингер и я, были вожатыми двух отрядов младших девочек.

В нашем лагере часто проводились игры и походы, в которых малышки не могли участвовать. Однажды, когда старшие девочки собирались в дальнюю экскурсию, наши малышки запрутили: им тоже хотелось пойти со всеми.

Мы с Викторией заметили это и решили придумать игру, в которую мог бы играть целый отряд малышек. И мы придумали такую игру, вспомнив сказку Андерсена «Дюймовочка», которую очень любили маленькие девочки.

И вот как-то утром, не успев ещё как следует одеться, девочки прибежали ко мне с криками, что они нашли таинственное письмо. Я прочитала его вслух:

«Храбрые девочки, ваша любимица Дюймовочка попала в беду. Спешите на помощь! В шалаше вы найдёте от неё записку. Друзья Дюймовочки.»

Девочки некоторое время молчали, очевидно, всерьёз думая о несчастной Дюймовочке.

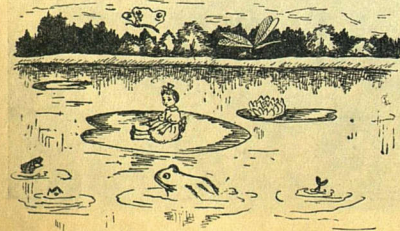
— Так как же? Будем выручать?—спросила их я.

— Будем!—закричали все хором.

И мы сразу же после завтрака отправились к шалашу.

В шалаше действительно была записка. Дюймовочка писала:

«Меня похитил мой старинный враг — жаба. Но я постараюсь перехитрить её. Я буду ставить знаки, по которым вы сможете меня найти. Первый знак будет на полянке, где вы вчера пили чай.»

Стрелка из берёзовых прутьев на поляне привела нас к письму, зарытому в земле.

— «Храбрые девочки, вы ищете злою жабу?» — прочитала я.

— И с ней Дюймовочку!—вдруг крикнуло несколько девочек одновременно.

Потом я прочитала дальше:

«Жаба перепрыгнула в другой пруд, но Дюймовочка я с ней не видела. Золотая рыбка.»

Мы побежали к пруду и на берегу нашли ещё одну стрелку, нарисованную на бумаге красным карандашом. Девочки решили, что Дюймовочка ранена и делает знаки своей кровью. Подбежав к пруду, мы закричали:

— Жаба, жаба, отдай Дюймовочку!

В заслушившей тишине хрустнул сучок и что-то булькнуло. Девочкам показалось, что это жаба прыгнула в воду, и они стали смотреть в пруд.

В это время случилось недоразумение. Знаки, которые мы с Викторией расставили с вечера, вдруг исчезли. Вместо них стояли другие. Оказалось, старшие девочки, ничего не зная о нашей затее, разорили наши знаки, готовясь к военной игре. Дальше нам с Викторией всю игру пришлось придумывать на ходу.

Девочки так увлеклись выслеживанием лягушки, что не заметили, как я повесила на дерево новое письмо, а Виктория выложила из камешков новый дорожный знак. Его, а потом и письмо девочки увидели сразу, как только отошли от пруда.

«Ква-ква-ква! Я Дюймовочку вам не отдам. Я её хорошо спрятала. Ха-ха-ха! Ква! Жаба»,— было в записке.

Девочки были очень огорчены, но, вспомнив, что Дюймовочка обещала ставить знаки, послали вперёд разведку, а сами решили спросить у птичек о Дюймовочке и снова крикнули:

— Птички, птички, скажите, где Дюймовочка?

Пока девочки прислушивались к пению птиц и определяли их по голосам, я незаметно положила в пенёк письмо, к которому тоже вели знаки из словых пишек. Знаки увидела девочка из разведки и под общий радостный крик бросилась к дуплу.

«Мы видели Дюймовочку. Она сидела на листе водяной лилии. Мимо летела бабочка и унесла ее с собой. Спросите у любой бабочки, где Дюймовочка. Ласточки».

Птички, не переставая, пели на разные голоса, и девочкам казалось, что они говорят: «Ловите, спросите!» И они бросились ловить бабочек.

— Жаб!— вдруг крикнул кто-то.

Все подбежали к яме, куда прыгнула жаба, и наперебой заговорили, что эта та самая жаба, которая унесла Дюймовочку. Виктория воспользовалась этой суматохой и подобрала новое письмо. Его девочки нашли под кустом. На этот раз писали бабочки:

«Мы спрятали Дюймовочку тут, в кустах, и поставили над её убежищем стрелку из свежей травы. Ищите!»

Усердно и довольно долго разыскивали это место девочки. Наконец его нашла Ира Павлова под дубовым кустом. Она раздвинула ветки, и все увидели зеленую бутылку без горлышка. Оттуда виднелся розовый бантик. Девочки притихли в ожидании...

Дюймовочка оказалась куклой. Но это никого ничуть не разочаровало. Наоборот, фантазия уже разыгралась настолько, что одна девочка, обратив внимание на то, что кукула поцарапана, сказала:

— Сколько она, бедная, натерпелась страхи, когда её тащила жаба!

А другая нашла, что у Дюймовочки очень радостное лицо, и весело крикнула:

— Смотрите, как она обрадовалась, что мы её нашли!

По всему было видно, что игра малышам понравилась. Мы с Викторией тоже так увлеклись, что уже не могли отличить придуманное нами от того, что подсказали нам сами девочки. Значит, наша затея удалась! Наше веселое путешествие за Дюймовочкой было прервано сигналами из лагеря: горн призывал нас на купание. Захватив Дюймовочку с собой, мы побежали к речке.

Оля Губанова,
Виктория Этингер,

пионерки 2-го отряда из лагеря
Министерства вооружённых сил.

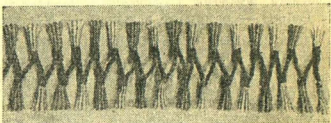
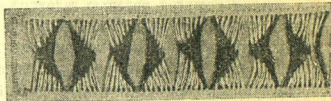
Пионеры-инструкторы

Десять девочек-пионерок нашего района, в том числе и я, недавно получили звание пионеринструкторов. Мы едем в лагерь инструкторами художественной вышивки.

Два года занимались мы в Доме пионеров Октябрьского района в кружке, которым руководит Людмила Владимировна Мезенцева. Начали мы со штопки чулок и белья, а теперь умеем мерезжить, делать ажур, рипелье, вышивать простым и болгарским крестом, художественной гладью и русскими швами. Людмила Владимировна научила нас со вкусом подбирать цвета ниток и разбираться в вышивках. Для этого она показывала нам много красивых работ и водила нас на выставку подарков товарищу Сталину, чтобы мы посмотрели работы знаменитых новгородских мастериц-вышивальщиц.

Все девочки нашего кружка за это время уже многое вышили для себя. Я тоже сделала две салфетки на стол, ажурное покрывало на подушку, салфетку на тумбочку, сорочку. Все мы вышили себе кофточки.

Особенно интересно вышивать русскими швами. Они очень просты и в то же время разнообразны. Каждую часть узора можно вышивать новым швом. Многие из нас сейчас вышивают

Вот какие мерезки и ажур мы делаем.

русским швом скатерти, диванные подушки, занавески.

И вот теперь мы будем учить других девочек всему, чему сами научились в Доме пионеров. А для того чтобы нам легче было объяснять и чтобы другие девочки нас лучше поняли, мы сделали альбомы всех образцов вышивок. Это наши рабочие тетради. С ними мы поедем в лагерь.

Валя Сафонова,
ученица 5-го класса 208-й школы Москвы.

Вера Иванова и её друзья

А. Константинов

Госпиталь. Быстрыми неслышными шагами проходят по длинному коридору озабоченные сестры и санитарки, привычно приглушает голос врач, отдавая распоряжения. Порою за дверью какой-нибудь палаты послышится стон. И снова строгая тишина. Всё, как всегда.

Нет, сегодня не всё, как всегда. За дверью одной из палат непривычный, плохо сдерживаемый шумок. Слышно, как там говорят, теснятся, рассаживаются. К кому-то пришли посетители. Судя по голосам, это ребята, и, должно быть, их много. Если бы вы в эту минуту приоткрыли белую дверь и заглянули в палату, то увидели бы странное зрелище: прижавшись вплотную, чтобы всем хватало места, обняв друг друга за плечи, вокруг крайней койки тесным кольцом уселись ребята; они совсем утонули в больших, не по росту госпитальных халатах, в близине которых особенно яркими кажутся красные галстуки. Это сбор, самый настоящий пионерский сбор. Но почему здесь? Взглянув на койку, которую окружили пионеры, начинаешь догадываться почему. На койке лежит девочка лет десяти. Лицо её покраснело, белокурые волосы тщательно, по праздничному расчёсаны, на груди приколоты три боевые медали.

— Ребята,— начинает вожатая. — Мы собрались здесь сегодня, чтобы принять в свой отряд Веру Иванову. Вы все знаете Веру, знаете её историю, и, конечно, мы с радостью примем её в нашу дружную пионерскую семью.

Нарушая тишину госпиталя, ребята шумно аплодируют, каждый торопится сказать своё приветливое, дружелюбное слово, а белокурая девочка краснеет ещё больше, и лицо её светится широкой, счастливой улыбкой.

* * *

Вере Ивановой было всего три года, когда её отец лейтенант Иванов ушёл на фронт. Она помнит только его портрет на стене да письма. Они приходили часто, и им всегда так радовалась мать... Так прошло два года. А потом пришло извещение о том, что Яков Иванович Иванов погиб. И тогда мать Веры Акусьинья Васильевна, не в силах оставаться дома, тоже уехала в Действующую армию. Вера осталась с бабушкой.

Потом бабушка тяжело заболела, и её положили в больницу. Вера осталась одна. Часть, в которой служила её мать, стояла на то время неподалёку от их родного города Торопца. Получив

у командира отпуск, Акусьинья Васильевна приехала на несколько дней домой.

Мать и дочь не расставались ни на минуту. Вера засыпала мать вопросами: как она жила на фронте? Много ли там стреляют? Страшно ли в бою? А когда Акусьинья Васильевна стала собираться обратно в часть, Вера сказала:

— Я поеду с тобой!

В самом деле, оставить её дома было не с кем. Часть пока находилась в резерве. И мать решила на время взять девочку с собой.

В полку к Вере скоро привыкли, все полюбили её. Вокруг неё часто собирались бойцы, приносили ей подарки, просили спеть «Катюшу», сказать стихи. Многим она напоминала дом, семью. Особенно любил Веру сержант Никандров. Дома у него осталась такая же дочка, он не видел её уже три года, очень стосковался и теперь с отцовской нежностью относился к Вере.

Всёгизу белокурую девочку привыкли видеть и в казармах и в штабе полка. Она помогала почтальону разносить письма, исполняла поручения дежурных по штабу. Но всего больше времени Вера проводила в санчасти. Она скоро научилась быть здесь полезной: помогала сестре готовить бинты и вату, подносила инструменты; раненые то и дело просили её что-нибудь сделать для них, подать, принести. Девочка выполняла все поручения проворно, охотно и каждому улыбалась своей серьёзной и ласковой улыбкой. Старший врач шутил:

— Мне помощник растёт.

Так Веру и прозвали: «помощник старшего врача», — и она гордилась своим новым званием...

Случилось так, что полк, в котором находилась Вера Иванова, неожиданно перебросили на передовую. Девочку не успели отправить в тыл, и она выехала вместе с полком. Командир части подполковник Пибульский решил отослать её с первой машиной. Но вечером начался сильный артиллерийский обстрел, налетели немецкие самолёты. Отсылать Веру было опасно, решили передать до окончания операции. Девочка сидела в землянке и прислушивалась к непрерывному грохоту орудий.

Пошёл сержант Никандров:

— Страшно, Верочка?

— Страшно! — призналась Вера.

— А ты не бойся. Землянка прочная, её никакой снаряд не прошибёт.

Вера скоро привыкла к гулу и грохоту. Видя, как спокойны все вокруг, она и сама осмелела. Через час она уже смеялась чему-то. На многих серьёзных, озабоченных лицах мелькнула невольная улыбка.

Так совершилось боевое крещение Веры.

...Прошло несколько дней — и девочку постигло второе в её жизни большое несчастье: погибла её мать.

В полку было много споров. Одни доказывали, что девочку нужно немедленно отправить в тыл, другие непременно хотели оставить её в полку. Больше всех горячился сержант Никандров.

— Ведь усновили же многие воинские части детей-сирот, — говорил он. — Почему же мы не можем сделать Верочку дочерью нашего полка?

Судьба верной бабушки была неизвестна. Командир части решил написать в Торopez, а затем, смотря по тому, каков будет ответ, отослать Веру либо к бабушке либо в детский дом. До тех пор она должна была оставаться в части.

Вера Иванова стала дочерью полка.

...Это было в апреле 1945 года. Наши части штурмовали Кенигсберг. 252-й Кювенский ордена Суворова стрелковый полк, где находилась Вера, попал под сильный артиллерийский обстрел. Снаряды рвались около самого штаба. Одним из них серьёзно ранило двух офицеров, им нужна была немедленная помощь. Вера услышала стоны. Она подбежала к раненым и стала ласково уговаривать:

— Потерпите немножко, сейчас я вас перевяжу...

Но перевязывать было нечем: бинтов в штабе не оказалось. Наконец девочке удалось разрыскать в землянке два чистых платка. Со слезами на глазах повторяя: «Сейчас, сейчас... потерпите ещё...» — она с трудом перевязала одного раненого. Но как быть со вторым?

Долго раздумывать не приходилось. Офицер слабел, из раны непрерывно сочилась кровь, Вера

знала, что её необходимо скорее остановить. Она поспешно стащила с себя платье, разорвала его на полосы и перевязала раненого. Потом она побежала в санчасть, разыскала санитаров, и оба офицера были доставлены в операционную.

Вот почему семилетняя Вера Иванова была награждена медалью «За боевые заслуги». Позднее командование части наградило её ещё медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Вместе с бойцами Советской Армии Вера побывала в Берлине. С сержантом Никандровым ходила она по улицам, смотрела на разбитые снарядами, дотораженные дома. Сержант сказал:

— Это, Верочка, немцам в оплату за наши разрушенные города, за папу твоего и маму.

И, глядя на дымящиеся развалины, девочка ответила негромко, но по-детски сурово:

— Так им и надо!..

В прошлом году Вера вместе с демобилизованными воинами Советской Армии приехала в Торopez, к своей бабушке Матрёне Васильевне Леоновой. Она поступила в школу, в первый класс. Но тут пришла новая беда. Годы, проведённые на фронте, сказались на здоровье девочки. Учение пришлось бросить. Веру положили в госпиталь.

Она затосковала: ей хотелось учиться, хотелось быть вместе с подругами, знать, что делается в школе. Правда, девочку с фронта очень любили в госпитале, за неё особенно внимательно и нежно ухаживали сёстры, с нею были приветливы и ласковы все раненые, но Вера продолжала грустить.

И тут на помощь Вере пришли её товарищи по школе. Они стали часто навещать её, приносили книги, рассказывали обо всех школьных делах. И наконец на торжественном сборе, на том самом сборе, который состоялся в госпитале, её приняли в пионеры.

Вожатая отряда надела Вере красный галстук и рядом с боевыми медалями приколотла пионерский значок.

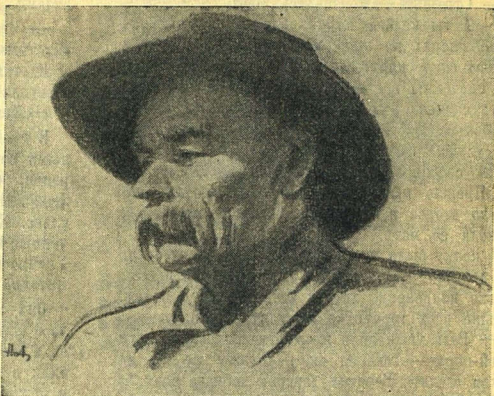
Вера Иванова стала пионеркой.

Каждую неделю пионеры её отряда Геннадий Смирнов, Пра Гижинова, Лена Васильева и Лера Семернинова приходят в госпиталь. С их помощью Вера занимается русским языком и арифметикой по программе второго класса. Госпиталь далеко от школы. Но Вера всегда знает, что происходит в классе и на сборе. Она больше не тоскует, как прежде. Дружба, горячая и верная пионерская дружба, поддерживает её. Вера знает, друзья никогда не оставят её, вместе с ними она будет учиться, работать, жить полной и радостной жизнью.

Великий русский писатель Максим Горький прошёл тяжёлую школу жизни. У него было мало радостей в детстве, и только книги делали его счастливым и будили в нём стремление к знанию, к науке.

Максим Горький на всю жизнь сохранил любовь к книге и неустанно заботился об издании хороших книг для детей и молодёжи. Многим, даже и незнакомым ребятам, как, например, Евгению Тимошенко, письмо которого мы здесь помещаем, Алексей Максимович посылал книги. Дома у него всегда лежали пачки книг, приготовленные к отправке.

Часто в письмах к ребятам он давал им хорошие советы о том, что и как читать. В этом номере журнала мы помещаем несколько писем Алексея Максимовича к детям.

А. М. Горький.

Рис. Н. Аввакумова

Сердечный привет вам, будущие доктора, инженеры, танкисты, поэты, лётчики, педагоги, артисты, изобретатели, геологи!

Хорошее письмо прислали вы. Богато светится в простых и ясных словах его ваша бодрость и ясность сознания вами путей к высочайшей цели жизни, путей к цели, которую поставили перед вами и перед всем трудовым народом мира ваши отцы и деды. Едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях природы, в каких вы живёте, едва ли где-нибудь возможны дети, такие, как вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей земли столь же гордыми смельчаками...

...У вас снег, морозы, вьюга, а вот я живу в Крыму, на берегу Чёрного моря. Сегодня — тринадцатое января — первый раз в этом году посыпался бедняцкий, редкий снежок, но тотчас же конфузливо растаял... Весь декабрь и до вчерашнего дня светило солнце с восьми часов утра почти до половины шестого вечера. Зимуют чижки, щеглы, зяблики, синицы, весна начнётся со второй половины февраля, осень с половины октября.

До революции в Крыму жил царь с его родственниками, придворная знать, миллионеры, купцы, — теперь во дворце царском «Дом отды-

ха» для крестьян, и весь южный берег Крыма, все дворцы богачей превращены в дома отдыха, в санатории. Есть и лагерь пионеров Артек. Много прекрасного в стране Союза Социалистических Советов, и оно всё растёт. Всё это — ваше хозяйство.

И, разумеется, для того, чтобы уметь владеть им, чтоб развить его всё шире, — необходимо, ребята, учиться много, серьёзно, честно. Всякая работа в нашей стране — работа всех для каждого и каждого для всех, а кроме этого — работа в пример всему трудовому народу Земли. Надо воспитать, развивать в себе любовь к учёбе, чтоб учёба была приятна, как игра. Мозг — способность познания — воспитывается упражнением, тренировкой так же, как мускулы. Машина постепенно стирает различие между физическим и умственным трудом, но для того, чтобы сделать хорошие машины, облегчающие труд, необходимо усерднейше заботиться о развитии разума.

Беспользанных знаний — нет. Поэтому я очень одобряю ваше желание написать книжку о пионерах Заполярья. В работе над этой книжкой вы кое-чему научитесь, а если книжка будет удачна — научите и других...

(Из письма А. М. Горького пионерам Игарки. 1936 г.)

Уважаемый Саша!

Вы молоды и счастливы. Вам следует усиленно приобретать знания. Только тогда у вас будет широкий кругозор и понимание человеческого характера, которые так нужны для деятелей литературы. Читением хороших книг расширьте свой кругозор, улучшайте свои вкусы. Я советую читать и изучать классиков: Пушкина (не только стихи, но и прозу), Тургенева, Толстого, очень рекомендую Диккенса «Давид Копперфильд», «Домби и сын». Классики должны послужить образцом работы над языком. Полезные знания, приобретённые сознательно, никогда не лишние в голове, и голове тяжести не придают великой. Чтобы писать — нужно знать, а чтобы знать — нужно учиться, учиться и ещё раз учиться, как сказал вождь пролетариата всего мира Владимир Ильич Ленин.

Всего доброго.

М. Горький.

Письмо школьнику Александру Зоджарёву. 1935 год.

Письмо от Горького

Это было в далёкой Сибири, в маленьком глухом провинциальном городке на берегу непокорного Иртыша. Там я родился, вырос и окончил среднюю школу. Там я впервые почувствовал радость труда и отдыха. С наслаждением вспоминаю теперь своё далёкое детство... Суровые, угрюмые берега Иртыша, необъятные просторы уходящей к горизонту тайги, буксирные теплоходы Карской экспедиции с сильными, весёлыми матросами, снежные долины, залитые сверкающим лунным светом, и ещё многое, что окружало меня в детстве.

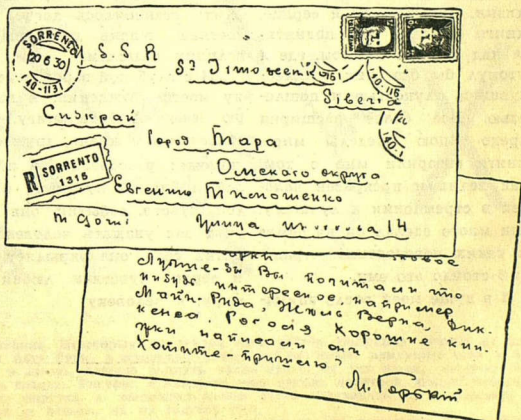
Вспоминается мне ещё одно событие моего детства, которое я не забуду никогда.

Когда я учился, почти каждый школьник что-нибудь да коллекционировал: кто собирал гербарий, кто птичьи яйца, кто фантики от конфет. Я тоже увлёкся этим делом. Но область моего коллекционирования была другая — я собирал почтовые марки. Филателистов у нас в школе завелось человек десять, но марок не хватало и достать их было неоткуда. Мы прибегали к всевозможным хитростям, чтобы раздобыть марки, однако, скоро все возможности были исчерпаны, и мы стали втупик.

Отец мой выписывал газеты и журналы.

И вот в одном из номеров журнала «30 дней» я как-то прочитал в очерке Александра Жарова «Горький придет обязательно»

такие строки: «После завтрака Алексей Максимович немного отдыхает. Потом читает письма. Корреспонденция у него обширная и пёстрая. Пишут ему почти из всех стран мира. Больше всего — из СССР. Из всех уголков. Пишут партработники, профессора, писатели, дети, крестьяне, рыбаки, студенты, красноармейцы. Пишут много, подробно — не стесняются! И всем отвечает Алексей Максимович. Обязательно отвечает сам, собственноручно, как будто машинке не доверят».

Прочитав это, я подумал: «Так, значит, Горький получает письма из всех стран мира... Не написать ли мне Максиму Горькому, чтобы он поручил своему секретарю отклеить от конвертов почтовые марки и послать мне? Всё равно ведь их, наверно, бросят в корзину!»

Так я и сделал. На другой же день письмо с адресом «Италия, Сорренто, вилла Горького» отправилось в далёкий путь.

Я рассчитал заранее, что ответ должен быть через месяц. Но прошёл месяц, прошёл суровый январь, прошёл февраль с метелями и вьюгами... Улыбнулся март первыми весенними оттепелями...

Каждый вечер из-за рощи доносился монотонный перезвон колокольчиков почтовой тройки, и я каждый раз, прислушиваясь к этому перезвону, с замиранием сердца думал: «Может быть, эта почтовая тройка везёт мне из далёкой Италии письмо от Горького?» Перезвон колокольчиков становился яснее, отчётливее, и наконец, мимо меня, по главной улице нашего города, проносилась тройка потных, заиндевелых лошадей.

Вскоре приходил почтальон. Он выкалывал из сумки газеты, журналы, книги. Были письма. Но... только я не находил письма от Максима Горького. И вот, когда я потерял всякую надежду, отец подал мне толстый па-

кет, в правом углу которого красовались итальянские, неизвестные мне марки и имя отправителя: «М. Горький, Италия, Сорренто».

Как я волновался, вскрывая это письмо! Пёстрым дождём посыпались на стол и на пол марки. Я бросился их собирать. Это были марки Италии, Египта, Польши, Германии, Бельгии, острова Куба, Китая, Австралии... Около пятисот марок оказалось в этой посылке — марки от писем, которые Горький получал за один день. Вытряхивая содержимое конверта, я увидел собственноручную записку самого Алексея Максимовича.

Крупным, отчётливым почерком было написано:

«Вот вам марки, но всё-таки пустяковое дело марки. Лучше бы Вы почтали что-нибудь интересное, например, Майн-Рида, Жюль Верна, Диккенса, Гоголя. Хорошие книжки написали они. Хотите — пришлю?»

М. Горький».

Конечно, хочу! И через два месяца, уже летом, я получил большую посылку с книгами. Там были Гоголь, и Купер, и Жюль Верн, и Диккенс.

Вот и всё, что я хотел рассказать об отзывчивости и чуткости великого писателя.

Е. Тимошенко

Максим Горький о книгах

...Книги шептали мне о другой жизни, более человеческой, чем та, которую я знал; ...они указывали мне моё место в жизни. Окрыляя ум и сердце, книги помогли мне подняться над гнилым бодотом, где я утонула бы без них, захлебнувшись глупостью и пошлостью. Всё более расширяя пределы моего мира, книги говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невероятных страданий стоило это ему.

И в душе моей росло внима-

ние к человеку — ко всякому, кто бы он ни был, скопляясь уважение к его труду, любовь к его беспокойному духу. Жить становилось легче, радостнее: жизнь наполнялась великим смыслом.

...И с глубокой верой в истину моего убеждения, я говорю всем: «Любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пёстрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку.

...Любите книгу — источник знания, только знание спасительно, только оно может сделать нас духовно сильными, честными, разумными людьми, которые способны искренно любить человека, уважать его труд и сердечно любовать прекрасными плодами его непрерывного великого труда.

Во всём, что сделано и делается человеком, в каждой вещи заключена его душа; всего больше этой чистой и благородной души в науке, в искусстве; всего красноречивее и понятнее говорит она — в книгах».

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

СКОЛЬЗЯЩАЯ ЛОДКА

Многие из вас, наверно, видели в прошлом году маленькие быстрые суда с подвесными моторами. Они, как мухи, носились по Москве-реке. Эти маленькие глиссеры построили ребята из автоклуба спортивного общества «Трудовые резервы».

Глиссер в переводе на русский язык означает «скользящий». Так называются особые суда, которые не плывут, а скользят по воде.

Но как же они скользят? Ведь вода — не лёд: ступишь и окупнёшься.

Оказывается, всё дело в скорости. Брось в воду плоский камешек — он булькнет и пойдёт на дно. А запусти тот же камешек плашмя по воде — он шлёпнется, подпрыгнет, опять шлёпнется, и, если хорошо, ловко запустишь, насчитаешь десяток, а то и два «блинчиков», пока камешек не потеряет скорости и не потонет.

И если взять обыкновенную плоскую доску, приподнять её передний край и быстро тащить по воде, на неё можно грузить очень много груза. Чем быстрее будет двигаться доска, тем больше груза она повезёт на себе.

Вот этим и воспользовались судостроители. Когда движется обыкновенный, не скользящий корабль, ему приходится раздвигать воду, пробираться через неё. И чем быстрее движется такой корабль, тем больше сил тратит он на преодоление сопротивления воды. Поэтому пароходы и не могут тягаться в скорости ни с паровозом, ни с автомобилем.

А плоскодонный глиссер может. Чем быстрее он движется, тем меньше погружается в воду. Но и это — ещё не всё. Когда скорость очень большая, глиссер не касается на воду не всем днищем, а только двумя узкими полосками, по краям, коньках, едва прикасаясь к воде.

Московские ремесленники строят большой металлический глиссер по чертежам и инструкциям. И если расчёты конструкторов оправдаются, новый глиссер будет одним из самых быстрых.

Удирая из Макеевки, немцы взорвали, сломали, разбили всё, что только можно было испортить. Но советские люди взялись за восстановление макеевского блюминга, более двух десятков заводов участвовало в восстановлении его. И макеевский блюминг снова работает.

ЦВЕТНОЙ ХЛОПОК

Хлопок часто называют «белым золотом». Советские селекционеры много потрудились над выведением новых сортов белоснежного хлопка с длинным шелковистым волокном, дающим лучшие сорта тканей. Много поработали и текстильщики над тем, чтобы научиться окрашивать белые хлопковые ткани стойкими, не выгорающими на солнце красками. И всё-таки окончательной победы они не одержали: химические краски всё ещё очень нестойки. Вот почему лет восемь назад селекционеры задумались над выведением цветного хлопка. Они отобрали растения с бурозелёной, голубой, кремовой и розовой окраской волокна и стали выращивать растения с цветным волокном. Много было разочарований в этой упорной и кропотливой работе, и наконец пришла первая удача: выведен сорт хлопка с яркозелёным волокном. Это волокно не только не выцветает на солнце — под влиянием солнечных лучей оно делается темнее. Зелёные волокна покрыты восковым налётом, и из этих волокон получается крепкая пряжа. В экспериментальных мастерских уже получены первые метры ткани из природноокрашенного хлопка.

«СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

Перед вами пышно цветущий куст малины или смородины. «Сколько здесь будет ягод!» — думаете вы. Но ваши ожидания, к сожалению, не всегда сбываются — ягод оказывается несравнимо меньше, чем цветов.

Отчего же это происходит? Оказывается, во время цветения растения вырабатывают особые вещества, нужные для образования плодов. Если у растения нехватает этих веществ, цветы остаются бесплодными. Учёные узнали, какие вещества нужны растениям в период цветения, и научились добывать эти вещества искусственно. Теперь они могут придти на помощь растениям. Если опрыснуть цветущие в теплицах огурцы и другие растения особыми химическими веществами, урожай овощей увеличивается в 3–4 раза.

Это уже не лабораторные опыты. «Скорая помощь» растениям уже оказывается в нескольких подмосковных колхозах и совхозах.

В период созревания в плодах и овощах образуется газ этилен. Он нужен растениям для созревания плодов.

Многие южные овощи и фрукты не созревают в северных районах. Советский учёный Ю. В. Ракитина разработала способ, с помощью которого можно ускорить созревание овощей и фруктов. Зрелые плоды в камеры, наполненные газом этиленом, помещают в камеру, наполненную газом этиленом.

Теперь благодаря этилену можно ускорить созревание овощей и фруктов. Теперь благодаря этилену можно ускорить созревание овощей и фруктов. Теперь благодаря этилену можно ускорить созревание овощей и фруктов.

Вот несколько узоров для вышивания. Некоторые придумали сами ребята. Например, буквы: их нарисовала Люля Рогинская. Мы поместили пять букв, а остальные каждая из вас может придумать сама, и, может быть, даже интереснее. Когда едете в лагерь, хорошо вышить такие буквы на тех вещах, которые берёшь с собой. Буквы лучше всего выполнить гладью. Рисунок с лебедями тоже сделан девочкой, Машей Ыльконинной. Его можно использовать для кярмана фаргуй, а выполнить лучше всего аппликацией, т. е. вырезать птиц из белой, а волны из чёрной материи и нашить их на голубой фон.

Существуют узоры, у которых очень длинная жизнь. Они передаются из поколения в поколение, и каждая вышивальщица внимательно повторяет рисунок, иногда внося небольшие добавления. Внизу страницы расположен один из таких народных узоров. Вы можете его использовать на карманчиках летнего платья, на рукавах блузки или на салфетке. Цветочками хорошо вышить косынку, шарфик или воротничок. Исполнять их надо русскими швами.

НАША СПАРТАКИАДА

В. Яковлев

В прошлом году я работал в одном пионерском лагере. Многие ребята в этом лагере увлекались физкультурой и спортом. Они часто устраивали спортивные соревнования между звеньями и отрядами, а осенью провели лагерную спартакиаду. В программу спартакиады вошло много увлекательных спортивных игр.

Здесь мы расскажем вам о некоторых играх. Советуем вам, ребята, провести их у себя.

1. Это душло-мишень. Возьмите по пяти шишек, станьте на расстоянии пяти метров от дерева, прицельтесь... За каждое попадание в душло вы получите по два очка.

2. Разделите дорожку на отрезки длиной в один метр. Сколько метров пробежит бегун со скакалкой, не задев её ногой?

3. Начертите на дорожке поперечные полосы, постепенно увеличивая расстояние между ними. Станьте на первую полосу, ноги соедините вместе и прыгайте на двух ногах «по-итальянски» с полосы на полосу. Сколько полос преодолеете, сколько и получите очков.

4. Нарисуйте на дорожке 25 кругов — «кочек», постепенно увеличивая расстояние между ними. Кто сумеет выбраться из «болота», перепрыгивая с круга на круг?

5. Вот пять деревьев различной высоты. Через эти деревья нужно перебросить мяч. Перебросить через самое маленькое — получить одно очко. Чем выше дерево, тем больше очков, а если перебросить через все, — наберёшь сразу 15 очков.

6. Смастерите луки или арбалеты и организуйте стрелковые состязания. Когда научитесь стрелять по обычным мишеням, попробуйте попасть в мишень, укрепленную наклонно, или начертите мишень на земле и стреляйте так, чтобы стрела пролетела через верёвочку и попала в круг. Без тренировки не попадёшь.

7. Кто первый пробежит 60 метров и во время бега завяжет концы верёвки прямым узлом? Кто не успеет завязать узел, выбывает из игры. Ребята, завязавшие узел, бегут по второму разу, и выигрывает тот, кто пробежит к финишу, завязав узел, раньше всех.

8. Положите на площадке, за 6 метров от метателей, 20 шишек. Ребята «стреляют» шишками по мячу, и мяч откатывается со своего места. Побеждает тот, кто больше откатит мяч.

9. Нарисуйте круг, разделённый на секторы. Станьте в центр круга и подпрыгните вверх, кружась в воздухе. На каком делении приземлитесь прыгун, столько очков он получит.

